

мысль, что перераспределение богатств при потлачах вело к укреплению общественного положения и власти их устроителей, приобретению ими престижа, привилегий и прав, а тем самым и к углублению социальных различий. Резюмируя эту мысль в заключении, автор пишет: «Диалектическая сущность потлача как института переходного этапа заключалась в том, что, будучи своеобразной формой перераспределения частных сокровищ, он в то же время утверждал социальное неравенство» (стр. 259). Но, как видно из приведенных в книге материалов, социальное неравенство было неотделимо от неравенства экономического. Прославившийся своей щедростью на потлачах «знатный» вождь легко добивался монополии на распоряжение лучшими рыболовными и охотничьими угодьями, получал на ответных потлачах наиболее богатые дары и т. д. Поэтому, говоря о диалектически противоречивой сущности института потлача, следовало бы, на наш взгляд, определеннее подчеркнуть его стимулирующую роль в развитии не только общественного, но и экономического неравенства, в становлении частной собственности. Потлач был разорением, но таким, которое вело к обогащению. В связи с этим отметим, что по существу, может быть, не так уж ошибался Боас, трактовавший потлач как систему принудительных ростовщических займов, но справедливо видевший в нем сделку, в конечном итоге чрезвычайно выгодную если не для самого устроителя, то для его детей.

Оспоримы и содержащиеся в книге характеристики отношений собственности на рыболовные и охотничьи угодья. Рассматривая земельную собственность северо-западных индейцев как находящуюся в состоянии перехода от общинной к частной, автор в одних и тех же случаях говорит то о владении или пользовании общинными землями, то об отдельной, то о частной собственности. Вопрос о путях становления частной собственности — один из центральных в книге, и Ю. П. Аверкиевой, несомненно, следовало оговорить принятый ею критерий частного землевладения, главный определительный признак той принципиальной грани, за которой кончается коллективная и начинается частная собственность на землю. Большинство советских исследователей видит этот признак в «...монополии известных лиц в распоряжении определенными частями земного шара как исключительными сферами их личной воли...»². Приведенные автором данные о многочисленных экономических привилегиях верхушки северо-западных индейцев позволяют считать, что последние уже знали эту монополию. Следовательно, они знали и частную собственность на землю, хотя, разумеется, в весьма ранней форме, далекой от законченных форм частного буржуазного землевладения.

Однако в самом наличии дискуссионных моментов нельзя не видеть еще одного крупного достоинства монографии Ю. П. Аверкиевой, поднявшей ряд сложных вопросов заключительного этапа истории первобытного общества и внесшей значительный вклад в их марксистскую разработку.

А. Першиц

² К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1950, стр. 628.

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Г. Л. Кессельбреннер. *Западный Ириан*. Изд-во Института международных отношений, М., 1960, 262 стр.

Голландия все еще незаконно удерживает Западный Ириан в качестве свей колонии. Этот факт с 1945 г., когда Индонезия завоевала независимость, стал историческим анахронизмом.

Советские люди проявляют большой интерес к древней и современной истории Западного Ириана, к культуре и быту его населения, к его борьбе против голландских колонизаторов. Между тем о Западном Ириане у нас написано мало. Н. Н. Миклухо-Маклай был здесь в 1874 г. всего около двух месяцев, к тому же с этого времени многое изменилось. Книга Э. Лундквиста¹ при всех ее достоинствах носит популярный характер. Статьи Н. Ф. Булыгина², О. И. Забозлаевой³, В. Николаева⁴, О. А. Нильсона⁵ посвящены вопросам географии, колониальной экономики, оценке событий последних лет, и не ставят перед собой цель всесторонне осветить хозяйство, культуру и быт ко-

¹ Э. Лундквист, Дикари живут на Западе, сокр. пер. с шведского, М., 1958.

² Н. Ф. Булыгин, К вопросу о воссоединении Западного Ириана с Индонезией, «Сов. Востоковедение», 1957, № 1.

³ О. И. Забозлаева, Западный Ириан, сб. «Последние колонии в Азии», М., 1958.

⁴ В. Николаев, Западный Ириан принадлежит Индонезии, «Современный Восток», 1959, № 7.

⁵ О. А. Нильсон, Новая Гвинея (физико-геогр. очерк), «Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та», т. 35, вып. 4, 1957.

ренных жителей этой страны. Если упомянуть еще несколько газетных статей⁶, то этим по существу почти исчерпывается то, что можно прочесть о Западном Ириане на русском языке.

Книга Г. Л. Кессельбрэннера «Западный Ириан» несомненно вызовет интерес у советских читателей.

Цель книги — «показать полную необоснованность притязаний голландских колонизаторов на Западный Ириан, вскрыть фальшивые маневры империалистических держав по ирианскому (точнее, западноирианскому. — Н. Б.) вопросу, осветить национально-освободительную борьбу индонезийского народа, в том числе и населения Западного Ириана, против колонизаторов, за территориальную целостность своей родины, за полное уничтожение остатков колониализма. Одновременно рассматривается дипломатическая история голландско-индонезийских переговоров по ирианской проблеме и закулисная роль империалистов, приведших эти переговоры к провалу» (стр. 4—5).

В нашей рецензии мы остановимся лишь на тех рассмотренных в книге вопросах, которые прямо или косвенно относятся к области этнографии.

Коренные жители — папуасы — составляют 97% населения страны. На долю пришлого населения (из стран Европы и Азии) приходится всего 3%. В книге о Западном Ириане нельзя, конечно, обойти папуасов молчанием. Автор приводит краткие сведения об этническом составе папуасов, об их хозяйстве, общественном строе, искусстве, верованиях, а также об их языках. Надо сразу сказать, что в этих вопросах автор разбирается слабо. Из его книги читатель получит о папуасах Западного Ириана неполное, а главное — искаженное представление.

Автор утверждает, что племя в Западном Ириане насчитывает 100—200 человек (стр. 18), что совершенно неверно: тем самым автор приписывает папуасам такую племенную сверхраздробленность, какую у них не усматривали даже колонизаторы (если следовать автору, то в Западном Ириане при 1 млн. жителей должно было бы насчитываться 5—10 тыс. племен). Названия племен приводятся подчас в неверном написании («вароп» вместо варопен, «вадеси» вместо виндеси). Автор говорит о «многочисленном» племени маринд-аним, хотя от этого племени уже в 1920-х годах в результате зверств колонизаторов мало что оставалось, а в настоящее время оно близко к вымиранию.

Характеризуя образ жизни папуасов, автор пишет: «Большинство населения побережья является водными номадами и вместо хижин живет в крытых лодках. В частности, в таких лодках обитают племена нумфор-биак» (стр. 19). Оставляя в стороне стиль («живет вместо хижин», «племена обитают в лодках»), следует сказать, что это утверждение ошибочно. Данные Маклухо-Маклая, на которые ссылается автор, относятся лишь к берегу Папуа-Ковий, т. е. к небольшой части всего побережья. С тех пор (1874 г.) положение здесь изменилось и население ныне ведет оседлый образ жизни. Таким образом, все коренное население Западного Ириана является оседлым.

В качестве основных источников по хозяйству и культуре папуасов автор привлекает сочинения Н. Н. Миклухо-Маклая (который о Западном Ириане написал мало), упомянутую выше книгу Э. Лундквиста и обзорную статью в журнале «Oceania» (1958. № 2). Но даже эти немногочисленные источники он использует плохо. Так, земледелие в Западном Ириане он характеризует по данным о береге Маклая (северо-восточная Новая Гвинея), хотя Миклухо-Маклай специально указывал: «Сравнивая образ жизни и этнологические особенности папуасов берега Ковий (Западный Ириан. — Н. Б.) и папуасов берега Маклая, мы находим большое различие между теми и другими»⁷. Автор подчас неправильно цитирует источники потому, что не понимает, о чем в них идет речь. Так, он утверждает, что племена мапи и мимика делятся на материнские роды, а племя маникион — на отцовские (стр. 22—23), хотя в источнике сообщается совершенно другое: у племен мапи, мимика и маникион счет происхождения ведется сразу по двум линиям, материнской и отцовской, при этом мапи и мимика отдают предпочтение линии матери, а маникион — линии отца. Он пишет, что некоторые племена делятся на две группы, между которыми допускаются браки (стр. 23), но в источнике говорится совсем другое: не племя и даже не род, а часть рода (lineage) делится на группы, притом обязательно на две. Он дает совершенно незерную характеристику социального слоя «бобот», опираясь на сообщения Э. Лундквиста, который в этом вопросе явно неправ, и отвергая результаты специальных и детальных исследований Элмберга, изложенные в нашей статье⁸. Описание религиозных представлений папуасов (стр. 27) так беспомощно, что на нем вообще не стоит останавливаться. Мало и плохо сказано о деятельности миссионеров (стр. 27—28).

На вопросе о языках Западного Ириана автор считает нужным «остановиться более подробно» (стр. 29). В этом вопросе надо видеть два различных аспекта. Во-первых, существует несомненное родство между языками Индонезии и языками прибрежных районов Западного Ириана. Это — результат длительных исторических связей между Индо-

⁶ О. Орестов, Борьба за Западный Ириан, «Правда», 26 июня 1953 г.; О. Четкина, Насущный вопрос, «Правда», 8 июня 1956 г.; ее же, Западный Ириан — земля индонезийская, «Правда», 15 ноября 1957 г.; Н. Орестовский, Западный Ириан — неотъемлемая часть Индонезии, «Литературная газета», 22 декабря 1956 г.

⁷ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, 1951, стр. 194.

⁸ Н. А. Бутинов, Западный Ириан, «Сов. этнография», 1957, № 4.

лезией и Западным Ирианом. Во-вторых, в Западном Ириане широко распространен собственно индонезийский язык, ранее называвшийся малайским. Служба в церквях, обучение в школах ведутся на индонезийском языке. Таким образом, жители многих районов, наряду с родным, знают еще и индонезийский язык. Автор, к сожалению, не различает двух разных аспектов этого вопроса и приходит поэтому к неверным выводам. Он доказывает родство папуасских языков с индонезийским тем, что миссионеры говорят с папуасами по-индонезийски (стр. 30). Но папуасы в этих случаях говорят с миссионерами тоже по-индонезийски, а не на своих родных языках.

Одной из задач книги, как пишет сам автор, было «показать полную необоснованность притязаний голландских колонизаторов на Западный Ириан — исконную индонезийскую территорию» (стр. 5). Решая эту задачу, автор привлекает материалы по древней истории. Но здесь он также допускает ошибки.

В качестве основного источника по древней истории фигурирует книга Ризенфельда «Мегалитическая культура Меланезии» (*The megalithic culture of Melanesia*, 1950), весьма далекая от совершенства⁹. Автор неверно переводит само название книги («Культура каменного века Меланезии»), что свидетельствует о непонимании им существа дела. При цитировании он пишет об «иммигрантах, употреблявших каменные орудия» (стр. 48), в то время как у Ризенфельда речь идет об иммигрантах, возводивших из камня мегалитические сооружения. Недостаточное знакомство с предметом не дало автору возможности показать, что к моменту появления голландцев в Западном Ириане в тех районах, где сильно сказывается индонезийское влияние, папуасы отказались от употребления каменных орудий, так как получили от индонезийцев железные. Во всей работе нет ни одного упоминания об этом важнейшем факте.

Физико-географический очерк страны также содержит ряд ошибок. На карте, помещенной в конце книги, Новая Гвинея разделена на три части: Западный Ириан, Папуа и... Новая Гвинея. На деле северо-восточная часть острова носит в колониальных кругах название не «Новая Гвинея», а «Подопечная территория Новой Гвинеи» (в нее входят и некоторые острова Меланезии). По словам автора, остров разделен на две части горным хребтом (стр. 15), хотя на деле это не один, а целая система горных хребтов. Он уверяет, что связь западной части острова с восточной «сильно затруднена из-за глубоких горных ущелий и стремительных рек» (стр. 15), хотя в действительности единственной преградой является колониальная граница. Автор пишет о «районе Серуи, Япена и Варопена» (стр. 214), хотя Серуи — это поселок на острове Япен, а варопен — это название племени, а не района; он сообщает об озере Виссел (стр. 21), хотя на деле это не одно, а несколько озер.

Автор проявил неосторожность, взявшись писать о том, что он недостаточно хорошо знает. Не имея точных данных о специфике местных условий, он допускает ошибки и неточные формулировки и в других разделах книги. Так, он пишет, что колонизаторы лишили папуасов «свободы печати» (стр. 202), что было невозможно из-за отсутствия у папуасов самой печати.

В книге есть и другие недостатки. Можно, например, отметить ее не вполне четкую структуру (скажем, раздел четвертый из первой главы следовало бы перенести во вторую), неточность в названиях глав и разделов, неточность терминологии. В главе «Оккупация Западного Ириана голландскими колонизаторами» говорится лишь о событиях последних 15 лет, между тем Западный Ириан захвачен Голландией еще в 1828 г. Именно в эту главу следовало бы включить ту часть раздела «Тесные связи Индонезии с Западным Ирианом», в которой излагается история колонизации Западного Ириана. Автор нигде не дает сведений о численности пришлого населения. Он некритически и без всяких пояснений вводит термин «индоевропейцы» (стр. 217 и сл.; так называют в голландских источниках потомство от смешанных браков между индонезийцами и голландцами). Нам могут сказать, что мы обращаем на эти вопросы слишком большое внимание — ведь в книге им отведено в общей сложности всего лишь 26 страниц из 260, т. е. десятая часть. Но мы думаем, что в данном случае надо исходить не из того малого места, которое отведено этим вопросам, а из их большой важности.

И та десятая часть книги, которая нами разобрана подробно, серьезно снижает ценность всей книги даже в том случае, если бы остальные девять десятых были безупречны.

Как уже отмечалось, литература о Западном Ириане, имеющаяся на русском языке, невелика. Но автор почему-то нигде не ссылается на ценные статьи Н. Ф. Булыгина, О. И. Забозлаевой и В. Николаева о Западном Ириане, а также на работу О. А. Нильсона о Новой Гвинее, хотя эти труды были использованы им при написании книги (стр. 8).

Позорная колониальная система доживает свои последние дни. Порабощенные ранее народы рвут цепи и выходят на арену мировой истории как ее полноправные творцы. Мы должны знать правду об этих народах, хорошо представлять себе конкретные условия, в которых они живут, их хозяйство, культуру и быт.

В целом пример этой книги ясно свидетельствует, что этнографические знания совершенно необходимы для изучающих историю международных отношений.

Н. Бутинов

⁹ См. нашу рецензию на эту книгу в журн. «Сов. этнография», 1955, № 2.